

НАША СТРАНА

Год издания — 40-ой. Буэнос Айрес, суббота 31 октября 1987 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 31 de octubre de 1987 № 1944

Е. ООКИН

В КОРЕНЬ ДЕЛА

В ответ на статью Б. Бровцына "Если завтра в поход", в № 1912, автор этих строк написал статью "Куда поход?", в № 1916, даже и не предполагая, что за этим на страницах "Нашей Страны" еще появится довольно длинный ряд статей разных авторов, пожелавших включиться в дискуссию.

Как выразился Г. М. Моисеев в его статье "В какой поход?", в № 1924, эта дискуссия "внесла свежую струю воздуха на газетные страницы и вызвала реакцию тех людей, кому судьба России далеко не безразлична". Конечно, можно сожалеть, что в конечном итоге все мы, участники этой дискуссии, немного отошли от первоначального предложения редакции "Нашей Страны" своим сотрудникам и читателям "расширить дискуссию о будущем устройстве государства" в России, и обратили свои взоры к прошлому, а не к будущему. Однако, при этом нельзя терять из виду, что будущее трудно отделить от прошлого.

В свою очередь, автор этих строк не считает себя в праве не ответить по существу на некоторые вопросы, поднятые во время этой дискуссии и имеющие отношение к мыслям, высказанным в указанной статье "Куда поход", и которые, возможно, не были мною ясно и до конца уточнены. Тем более, что именно в этих вопросах необходимо смотреть "в корень дела", ввиду их трансцендентного значения.

В своем ответе на мою статью, Б. Бровцын (в статье "Поход на врага", в № 1932) заявляет, что "Америка — глубоко христианская страна". Возможно, что это — хотя бы отчасти — так. Но я писал не о стране, а о "государственности и общественности", которые, хотя и неотделимы от страны, все же не совпадают полностью со страной. Например, Россия, несомненно, страна христианская, но сегодня ее государственность таковой никак нельзя назвать. Нельзя отрицать христианского присутствия в США, как в стране, но точно также еще меньше можно отрицать масонское присутствие в государственности и общественности этой страны. Это даже никакая не оценка, а просто констатация ни кем не скрываемого факта, проявляющегося и в публичной символике и даже в изображениях на деньгах, который в реальной политике просто необходимо иметь в виду.

Что касается "компенсации туркам за Святую Софию", которую Б. Бровцын предлагает осуществить передачей туркам Кипра, то по этому вопросу просто получилось недоразумение, повидимому по моей вине. Я писал о "восстановлении Креста на Святой Софии" и о "возвращении Святой Софии в православные руки". Повидимому, эти мои слова были недостаточно ясными, или вернее просто недостаточными, так как

Б. Бровцын и В. Рудинский (в статье "Непродуманный поход", в № 1921) поняли их, как требование присоединения Константинополя к России ("А Константинополь... что бы с ним стали делать?!", пишет В. Рудинский). Я этого не писал, даже не думал. Я писал о передаче не Константинополя, а всего лишь Святой Софии, и не России, а просто православным. Конкретно, тем православным, которые и по сей день, несмотря на все гонения, унижения и издевательства, продолжают держаться в этом городе, выполняя этим историческую миссию, может быть никому кроме них самих не понятую. А именно, вернуть Святую Софию Вселенскому Патриархату. Согласно имеющимся у меня сведениям, в Цареграде сегодня осталось всего лишь около трех тысяч православных. Патриаршая церковь и патриаршая резиденция представляют собою верх притеснений и узурпаций. Мне даже говорили, что патриарший колокол подвешен на... дереве. Богословская школа на острове Халки давно турками закрыта. Перестройке (какое символическое слово!) Константинополя за последние годы были приписаны в жертву некоторые древнейшие христианские памятники, пустое место после которых покрыто асфальтом. Как и при перестройке Москвы в тридцатые годы, и в Константинополе прилагаются все силы, для того, чтобы стереть с лица земли само воспоминание о христианском прошлом этого славного города.

Между прочим, и в этом вопросе мы встречаемся с антихристианской общественностью и с антихристианской государственностью. Если турки в свое время превратили по праву голой силы завоевателя (в результате религиозной войны!) Святую Софию в мечеть, то сегодня даже этот аргумент голой силы завоевателя отпадает: Святая София больше не мечеть, а просто... "музей", как и наши кремлевские соборы. Ведь основатель новой турецкой (младотурецкой) государственности, Мустафа Кемаль-паша положил конец мусульманской государственности в

Турции. Имеются свидетельства, что сам он лично даже не мог спокойно слышать возгласов муэдзинов с минаретов. Он был масоном, и масоны гордятся им. Между прочим, устойчивости новой государственности в Турции сильно помогла и новая советская власть в России. Сам Ленин, в интервью английским газетам "Observer" и "Manchester Guardian", на вопрос корреспондента о проливах заявил: "Наша программа относительно проливов... содержит в себе, между прочим: во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции..." Вообще, "настойчивость турок... объяснялась тем, что за собой, несмотря на все свои зигзаги, они чувствовали мощную поддержку советского государства" ("История дипломатии". Том III. Огиз, 1945. Стр. 211 и 225). В порядке удовлетворения этих "национальных стремлений Турции" и были произведены массовые депортации греческого населения из Малой Азии, каковое являлось там коренным населением непрерывно в течение около трех тысяч лет.

Однако, уже до этого это греческое население жило под властью турок около пяти веков. Турки же до этого никогда не пытались их оттуда депортировать, хотя и считали их своими рабами. Лишь появление новой "младотурецкой" государственности явилось тем привеском, который перетянул чашу весов в сторону тотальной ликвидации православия на территории древнейших — а столетских времен — христианских церквей.

Точно также, эта "младотурецкая" идеология явилась и привеском для возникновения первого геноцида в нашем веке, геноцида над армянами, как это показал П. Бондаренко в статье "Три голокауста" (№ 1816 от 18-5-85). (Между прочим, Б. Бровцын протестует против "нерусского слова геноцид". П. Бондаренко употребляет другое греческое слово: голокауст, то есть "всесожжение". В Израиле употребляется также слово катастрофа, в смысле "гибельная развязка", но оно тоже взято из гре-

ческого языка).

Что касается отдачи туркам острова Кипра, то такая отдача исторически будет лишь дополнением к уже состоявшейся ликвидации древнейших православных церквей, в рамках общего макроисторического процесса, систематически осуществляемого открытыми и скрытыми врагами христианства. Турки сами по себе лишь орудие, инструмент в этом процессе.

Между прочим, они уже и сейчас достигли многого в этом направлении, в занятой ими нелегально (вопреки фарисейским протестам Объединенных Наций и других великих сил "мира сего") половине Кипра: православные церкви и монастыри разграблены и даже разрушены, монахи разогнаны, древнейшие христианские святыни поруганы. Однако, современная цивилизация и в этих процессах умеет найти для себя "положительную" сторону: увеличилась на Ближнем Востоке торговля православными иконами, на этот раз "изъятыми" не из русских православных храмов, а из кипрских! Вот где общий знаменатель у нас, русских, с греками Турции и Кипра: все мы подлежим ограблению, а если возможно, то и уничтожению, частичному или полному, или по крайней мере выселению. Эта же красная нить связывает нашу судьбу и с судьбой армян, а в последнее время и с судьбой православных сербов на их исторической родине Косово. В связи с разграблением кипрских храмов и монастырей, невольно вспоминаю выставку мировой торговли в "World Trade Center"-е в Нью Йорке, больше десяти лет тому назад, на которой были выставлены также и русские иконы, с объяснительным текстом и "положительной" оценкой: иконы, мол, весьма положительное явление в мировой торговле, как объект купли-продажи и как объект капиталовложений!

Что касается политических партий, то они не были "установлены в 1215 году королем Джоном", как пишет Б. Бровцын. В этом 1215-ом году в Англии произошло восстание мятежных баронов, которое встретило поддержку среди рыцарства и среди горожан Лондона. В результате мятежа, королю Иоанну Безземельному пришлось подписать "баронские статьи", названные "великой хартией вольностей", которая явилась первым формальным скреплением (фиксацией) традиционных норм английского феодального ленного права. Лишь через полвека, во время гражданской войны против Генриха III, вождь оппозиции, во главе рыцарства и бюргерства, Симон де Монфор созвал в 1265 году "Совет", на который, помимо светских и церковных баронов, были приглашены по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина из ряда крупных городов. Это нововведение "мятежника" Монфора было узакон-



**СОВЕЩАНИЕ РУССКИХ БЕЛЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В АРГЕНТИНЕ**
отмечает

День Непримируемости

в субботу 7 ноября с. г., в 12,30 часов, в помещении ОРИОР.
Адрес: улица Буэнос Айрес 2655, Оливос.

нено при короле Эдуарде I, в 1295 году, когда окончательно определился состав "Совета" или "Парламента". Но это не был партийный парламент (современные члены и в момент не были), а чисто территориально-сословное представительство, следы которого еще можно наблюдать и в наши дни в Англии и в США, где кандидатов в парламент выбирают не по спискам партий, а от определенной территории. Партии лишь выставляют и поддерживают кандидатов на этой территории. По существу, английский парламент был схож с нашими Земскими Соборами, только последние были учреждены Иваном Грозным без мятежей и без вымогательства со стороны, ищущей увеличения своих привилегий, знати. У нас знать была служебной и Верховная власть заботилась о "низах", а не о привилегиях наследников завоевателей, так как в России таких завоевателей не было.

Вообще партии стали играть теперешнюю роль лишь в конце прошлого века и в начале этого. В текстах конституций XVIII и XIX веков о них нет ни слова, в том числе и в конституции США. Они являются формой современной изоляционной одновременно, передаточным ремнем между негласными идеологическими структурами и публичной государственной структурой.

Б. Бровцын пишет, что "в последнее царствование политические партии стали частью государственной системы. Если бы меня спросили, я бы не хотел нарушать повеление Государя в вопросе о партиях. Если Государственная Дума оказалась неудачным учреждением, из этого не следует, что представительные учреждения плохи". Государственная Дума оказалась неудачным учреждением именно потому, что она не была представительным учреждением народа, а представительным учреждением партий, которые не стали и никак не хотели стать "частью государственной системы" тогдашней России. У меня есть "Полный сборник платформ всех русских политических партий" 1906 года, в котором приведены тексты "платформ" 17-ти политических партий. В большинстве из них открыто призывается к уничтожению существующей государственной системы. Что касается наших "октябристов", которые якобы были "партией консервативной и до конца поддерживали престол, кроме самого Родзянко", как пишет Б. Бровцын, то именно эта партия подспудно вела подрывную работу для подготовки февралю (в заговоре с нашими "младотурками"), причем в этом принимал участие не один только Родзянко. Между прочим, в ней тоже играли ведущую роль члены тайных организаций. Их "консерватизм" отнюдь не опровергает моего утверждения, что все партии в мире имеют своим источником либеральную или социалистическую идеологию, которые в свою очередь, вытекают из иллюминизма. Б. Бров-

цын возможно имеет в виду североамериканское понимание выражения "либерализм", которое не соответствует историческому значению этого слова. Консерваторы в Европе тоже либералы, особенно в экономической области.

Поэтому я хочу уточнить мою мысль о недопустимости партийной монополии в будущей России. Я имею в виду как раз территориальное представительство и поэтому упомянул о новгородских "концах и улицах". Сословно-территориальное представительство, каким был прежний английский парламент и наши Земские Соборы, сегодня невозможно, ибо нет сословий, поэтому представительство необходимо свести только к территориальному принципу, как в Новгороде. Монополия партий не преодолевается присутствием двух, или больше, партий, как пишет Б. Бровцын. Монополия заключается в том, что только партии могут выдвигать кандидатов, и что в результате, только кандидаты партий могут занимать государственные должности. Значит, только пройдя через партийный идеологический и мировоззренческий фильтр, можно занять государственную должность. Это и есть настоящая монополия на государственную власть, со стороны партий и за ними стоящих идеологий.

Я, однако, не за запрещение партий, при условии, если они откажутся от претензий быть монопольным фильтром на государственную власть и если они не будут явно или тайно заниматься подрывной деятельностью, как это делало большинство наших "русских" партий. (Пишу "русских" в кавычках, потому что их целью было как раз ликвидировать русское государство, так что русскими они никогда не были, не только потому что они были копией других интернациональных партий, но и потому что их целью было уничтожение России, чего они формально и добивались в тот момент, когда имя нашей страны было упразднено). Партии, как и все другие свободные объединения свободных людей, могут свободно организовываться при соблюдении общих гражданских юридических норм. Они даже могут поддерживать в том или ином кандидате, на ту или иную должность. Но кандидатами могут быть все граждане, а не только члены партий. Кандидаты тоже могут быть членами партий, но не обязательно. Когда же они получают мандат от народа, они должны принадлежать от своего партийной принадлежности, потому что они представители народа, а не партий. Также они должны публично отказаться от принадлежности к тем или иным тайным организациям, потому что всякая государственная власть должна быть гласной, публичной, общей (откуда и происходит слово республика), а не партийной или фракционной, а тем паче сектантской.

Е. ФОКИН

Ввиду все более увеличивающихся краж чеков из простых писем, редакция настоятельно просит подписчиков все чеки и "моней ордера" посылать исключительно в заказных письмах.

О ПЕЧАТКИ

В "Нашей Стране" № 1937 в статье В. Зарубина "Памятник царю Николаю" напечатано: "Евгений Меркурьевич Пашкин, директор геологических наук..." Следует читать доктр.

Также в статье Владимира Рудинского о потомках Пушкина ("Н. С." № 1939) следует читать: "... его правнуки собирались ехать в Южную Африку...", а не в Южную Америку, как было напечатано.

ПЕЧАТЬ

КОРОЛЬ И ПОЭТЕССА

В журнале "Круг" № 519, поэтесса Рина Левинзон, известная нам своими тремя сборниками стихов ("Два портрета", "Снег в Иерусалиме" и "Отсутствие осени") описывает свою встречу в Лиссабоне с претендентом на португальский престол, доном Дуарте де Браганца, аудиенцию у которого ей устроил ее знакомый, португальский монархический журналист Антонио Майя. Она не совсем справедливо называет своего собеседника экс-королем: он законный кандидат на трон, но никогда не царствовал; последним королем был Мануэль II, свергнутый в 1910 году.

Левинзон сообщает, что в беседе с нею герцог Браганский: "восхищался гением Солженицына... говорил о Самиздате и русской монархии, спрашивал о религии в России, был глубоко расстроен тем, что там происходит... Говорил он живо, искренне, очень дружелюбно, общаться с ним было легко и просто". И далее пишет, что он "понимал, что происходит в Советском Союзе, сокрушался, что печать так много уделяет внимания режиму Пиночета, а об СССР, где положение куда страшнее, мир знает мало". Среди вопросов донна Дуарте, поэтесса указывает следующие: "он спрашивал меня о возможности читать в СССР Библию, об отношении русского народа к монархии". Жаль, что эта часть разговора не изложена подробнее!

Напрашивается мысль, что Салазар сделал большую ошибку, не последовав примеру Франко и не восстановив в Португалии монархию. Под властью донна Дуарте, страна избегла бы, быть может, пережитых ею катаклизмов, и была

бы сейчас в гораздо более благополучном состоянии.

ЭЙДС В СССР И В ИЗРАИЛЕ

В "Круге" № 524, мы читаем: "Министр здравоохранения Шоша-на Абрели-Алмозидом сообщает: из 45 больных эйдем в Израиле только один — женщина. 33 случая закончились летальным исходом. Согласно словам министра, в стране обнаружено 239 бактерионосителей".

В том же номере перепечатано из "Известий" интервью, данное президентом Академии Медицинских Наук СССР, В. Покровским. Он считает весьма сомнительными перспективы создания сыворотки против эйса. Для Советского Союза, он дает следующие цифры: "Инфицированных 54. Из них больных четверо (3 иностранцев и 1 советский гражданин)... Специалист, вернувшийся из Танзании, где он, заразившись, в настоящее время болен". Большинство же зараженных — иностранные студенты и стажеры.

Относительно угрозы распространения эйса, Покровский высказался так: "Мы не знаем, сколько у нас проституток, наркоманов, гомосексуалистов. У нас все эти занятия уголовно наказуемы. И до недавнего времени то, что объявлялось вне закона, объявлялось одновременно и не существующим".

В целом, однако, оценка советского специалиста скорее оптимистична: "Думаю, правда, что такого широкого размаха, какого эпидемия достигла в США, в СССР не будет. Все-таки социальные и моральные условия у нас более надежные, нравственные устои общества более крепкие по отношению к каналу массового заражения этой болезнью".

В. Р.

Среди книг

ПРЕДГРОВОЯ ПОРА

Исторический роман Ю. Давыдова "Глухая пора листопада", состоящий вместе с несколькими очерками, содержание книги, "Избранное", выпущенной в Москве в 1985 году, оставил двойственное впечатление. С одной стороны, противно читать его оскорбительные нападки на наших царей, Александра II и Александра III, а заодно и на жену первого из них, княгиню Юрьевскую; нападки, впрочем, по существу дела смешные: зачем они предпринимали и задумывали различные меры борьбы с террористами! Очевидно, по странной логике автора, им следовало безропотно идти под бомбы и пули гонимых за ними убийц?

С другой стороны, тот же писатель приводит подлинные высказывания и резолюции государя Александра III, — и они всегда глубоко разумные, справедливые и человечные. За это одно можно ему быть благодарным. Но есть и еще более ценная часть в его романе: письма Л. Тихомирова, рисующие картину постепенного изменения его взглядов, его удивительный путь от террориста к верноподданному монархисту и автору важнейшей книги о монархической идее.

Давыдов переносит нас в драматическую эпоху после разгрома "На-

родной Воли", с непрестанными репрессиями во времена ее расцвета. На сцене действуют революционеры, провокаторы и жандармы, эпизодически появляется царь, и довольно часто близкие к нему сановники, В. Плеве, граф Д. Толстой, Н. Муравьев, К. Победоносцев, а равно и возглавители Третьего Отделения, Г. Судейкин и А. Скандраков.

Наименее живыми и правдоподобными предстают революционно настроенные рабочие, идеализированные братья Сизовы.

Наигранно почтительно изображаются Энгельс и дочь Маркса (сам автор "Капитала" поминается как уже почивший).

Наоборот (невольно спрашиваешь себя: случайно, или — умышленно?) чрезвычайно ярко и правдоподобно обрисованы Судейкин и Скандраков, умные, энергичные люди долга, стоящие до конца на посту, не забываясь о минутно угрожающей гибели.

Полной неадекватностью выглядит долгостраждующая вызвать у читателей чувство жалости к страданиям заключенных в Петропавловской крепости: ведь автор сам ярко показал нам, за какие кровавые подвиги туда сажали! Самый факт, что людей как В. Фигнер не казнили (и многие, она в частности, благополучно дожили свой век уже при большевиках) свидетельствует о высокой — не чрезмерной ли? — гуманности царского правительства.

Савва Юрченко

Б. БРОВЦЫН

БЫТЬ МОНАРХИСТОМ

Быть монархистом значит защищать российскую монархию и особенно последнее царствование и лично Государя Императора Николая Александровича II, Великому-ченика.

Мне казалось, впрочем я могу ошибаться, что мой оппонент Владимир Андреевич Рудинский монархист. Прочтя его ответ ("Н. С." № 1921, от 23 мая с. г.) под названием "Непродуманный поход" на мою статью "Если завтра в поход", я прихожу к заключению, что мой оппонент стоит на политической позиции далекой от позиции монархиста.

Я, лично, не причисляю себя к монархистам, но всемерно защищаю русскую монархию, мне близки ее исторические корни и мне близок паш государственный строй, существовавший до 1917 года.

Поэтому на меня произвели удручающее впечатление следующие строки моего оппонента: иностранная политика России "... сделалась, странным образом, в высшей степени некомпетентной и неудачной с начала теперешнего века, в трагическое царствование имп. Николая II".

Царствование Императора Николая II было трагическим в представлении недругов монархии из всех левых политических партий, включая кадетов. Особенную злобу источают по отношению к последнему царствованию деятели советского режима с первых дней его основания. Их страшит тень Государя. Они боятся даже показать народу портрет Государя, написанный Серовым. В 1986 году издан ими альбом портретов Серова. Портрет Царя упоминается в тексте, а показать его побоялись. Не следует никому из русских людей ставить себя в ряды тех, кто объявляет, как мой оппонент, последнее царствование трагическим, а иностранную политику некомпетентной. Ответу по пунктам.

1. Происходил необыкновенно быстрый подъем промышленности на всей территории Империи; 2. Сельское хозяйство в результате столыпинской реформы окрепло и развивалось; 3. Развитие Сибири, благодаря разумной политике, способствовавшей переселению крестьян, шло быстро и успешно; 4. Был построен Великий сибирский путь, председателем Комитета по постройке которого состоял Наследник Цесаревич Николай Александрович. Не "БАМ", а Великий сибирский путь

можно назвать "стройкой века", но не XX, а XIX века.

Остальные вопросы будут касаться высшей политики.

5. "Безумием была война с Японией" объявляет мой оппонент. Известно, что все войны, которые вела Япония, она затевала сама, все без исключения: против России, Китая и Соединенных Штатов. Россия этой войны не могла избежать. К 1905 году японская армия в Манчжурии настолько выдохлась, что Япония пошла на мир. Россия согласилась на мир только и исключительно благодаря тому, что революция подняла голову. Подпольные враги России вывели рабочих Петрограда (тогда Петербурга) на улицы, произошла революция. Россия проиграла Японскую войну на улицах Петрограда, как Америка Вьетнамскую — на улицах Вашингтона (см. С. С. Ольденбург "Царствование Императора Николая II" и книгу генерала А. И. Спиридовича).

6. Русско-Германскую войну Россия проиграла также на улицах Петрограда, как и Японскую. Мне кажется, сравнительно мало интересным разбирать советы моего оппонента в каком лагере *надо было быть* России в Великую войну. Россия была близка к победе над Германией, и в этом была большая заслуга Государя (см. "Воспоминания" В. Черчиля — по-русски в Чеховском издательстве).

7. Относительно Турции мой оппонент невнимательно прочел мою статью. Я на стороне Турции, а не Греции. В то же время я сторонник мира со всеми соседями России, при условии, что они не будут иметь права иметь вооружения, что будет легко достигнуто благодаря тому, что Новая Россия будет сильной, в военном отношении, сверхдержавой. Интересы России и Америки будут иметь общие интересы. Трудной задачей для России будет оказывать влияние и преобразовать состав американского Конгресса.

8. Национальные силы в Америке сильны, что видно по делу полковника Оливера Норда, которого атакуют типично антинациональные элементы. Россия приложит усилия для исключения антинациональных элементов из правительств всех стран мира, что поможет умиротворению во всем мире. В заключение скажу, что мой оппонент согласен со мной во многих кардинальных вопросах, за что приношу ему благодарность.

Б. БРОВЦЫН

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ЗА ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ?

Статья Б. Бровцына "Если завтра в поход" ("Наша Страна" № 1912) вызвала возражения со стороны целого ряда сотрудников газеты. Из них всех г-н Бровцын предпочитает ответить именно мне. Дело его; но ответ его выглядит страшно.

Когда-то мы с ним два встретились в доме С. П. Мельгунова; и тогда он был ярким республиканцем. Сергей Петрович ставил его

мне, реакционеру, в пример. Теперь же былой демократ столь поправел, что меня рассматривает как подозрительного либерала. Хотя, впрочем, как он сам уточняет, монархистом он не стал и сейчас. Это ему однако не мешает не только меня поучать об обязанностях монархиста, но и отлучать от монархизма вообще.

Сии молнии и громы меня не пугают; я-то монархическую идею

исповедывал с детства и за нее всю жизнь боролся любыми доступными средствами. Если г-ну Бровцыну *кажется*, что я не монархист, то это один из тех случаев, когда советуют: "Кажется, так перекрестись!"

Нет нужды говорить, что монархические убеждения отнюдь не исключают критики тех или иных действий дореволюционного русского правительства, в частности в области внешней политики. Вспомним, насколько резко осуждал многое И. Л. Солоневич (может быть Бровцын и его не считает монархистом?). Разумеется, надо учитывать, что люди не знали, к чему их решения приведут; но мы ныне знаем, и можем оценить результаты. Итак, можно иные ошибки извинять и понимать их причины; но следует честно признавать, что не раз делались ложные шаги.

Но прежде чем их разбирать, замечу, что у моего оппонента самое определение задач русского монархиста весьма сомнительные. Почему монархист должен в первую очередь защищать царствование Николая II, окончившееся революцией? Конечно, живи я в то время, я и служил бы законному царю. А родившись уже после его смерти, считаю долгом служить сегодняшнему Главе Династии, Великому Князю Владимиру Кирилловичу.

В смысле же размышлений над историей, и выбора тех государей, которые ближе нашему сердцу, тут, я полагаю, каждый волен следовать своему вкусу. По мне, например, вряд ли не лучший из русских монархов — Екатерина Великая, а за нею — Николай I. Солоневич, как известно, предпочитал императора Александра III. Что же, я думаю, и он (как жаль, что Бог не продлил его дни!), и его отец, делали то, что нужно, — хотя, сообразно ситуации, и совсем по разному.

Слово *трагический* г-н Бровцын явно воспринимает неправильно. Оно не означает "глупый" или "злонамеренный". Трагическая фигура, со времен драм Эсхила и Софокла, есть образ человека, которого преследует неумолимый рок; у которого благие и вроде бы разумные намерения приводят к печальным последствиям, и который падает под ударами судьбы. Таков был Эдип. Да отчасти таков же и библейский Иов многострадальный, с которым традиционно сравнивают последнего российского императора.

Анализ внутренних дел нашего отечества, на который Бровцын старается перевести речь, я здесь предпринимать не стану; я его не затрагивал, и это потребовало бы, определенно, отдельной и большой статьи.

Что же касается иностранной политики России в начале XX века, ответственность за нее навряд ли можно целиком возлагать на царя; а что она оказалась неудачной, — свидетельствуют факты. Японская война кончилась катастрофой, а наши союзники по Первой мировой, почти без изъятия, высказали себя, когда пришел для нас черный день, фальшивыми друзьями, чуть ли не худшими, чем открытые враги.

Относительно войны с Японией, позволю себе отослать читателей к мемуарам графа Витте (а если ему лично и не доверять, есть иные источники). Витте стоял за заключение прочного союза с Китаем и за взятие под нашу охрану целостности его территории. Такая линия поведения была бы благородной и гуманной и, возможно, плодотворной. Но мы от нее отошли, и даже дали себя вовлечь в совсем не вы-

годное нам, а только западным державам, подавление восстания китайских националистов.

Тогда сложилась картина, что наши и японские интересы скрещиваются на Дальнем Востоке. Япония нам настойчиво предлагала раздел сфер влияния: уступая нам Манчжурию, она желала за то иметь свободу рук в Корее. Тут уж велась политика довольно циничная; но в рамках здравого смысла. Корея нам было не нужна, а кое-что в ее защиту мы могли бы сделать путем дипломатии, не оружия. Но мы имели неосторожность эти предложения отвергнуть.

Бровцын напирает на то, что войну мы проиграли благодаря революции. Оно и верно. Но подлинное искусство правления состоит в учете всех факторов и предвидении грядущих событий. Первоначальные неудачи в боях привели к бунту; бунт принудил к уступкам. Гадать о том, что бы вышло, продолжай мы военные действия, — область фалгазий.

Враждебность г-на Бровцына к Японии безусловно основана на ее позднейшем конфликте с Америкой. Но для нас кое американский патриотизм не обязателен; а если вникать в причины столкновения Страны Восходящего Солнца с Соединенными Штатами, то вина, несомненно, не на одной какой-либо стороне целиком.

Мы бы могли выиграть Первую Мировую войну (хотя несравненно лучше бы нам в нее не вмешиваться!). Но принесло ли бы это нам пользу? Выяснилось потом, что западные демократии Россию ненавидят и жаждут ее ослабления, а то и гибели. Зачем нам было для них таскать каштаны из огня? Крушение монархий в Германии и Австрии никак не могло принести нам добра. Правда, Россия в стане победителей способна была бы смягчить расправу над ними, — но в какой степени? и сильно ли бы улучшила положение дел?

Бровцын сейчас объявляет себя другом турок. Но ведь он хочет у них отнять Константинополь! Что же, они так и согласятся? А попытка их возместить за счет Греции легко может повести к тому, что обе стороны будут недовольны Россией и станут ее недругами. Причем, объективно подходя, — и за дело!

Дай Бог, чтобы Россия, — сразу после конвульсий, неизбежных при смене режима? — стала мощной сверхдержавой. Но вот тогда-то ее интересы непременно и столкнулись бы с таковыми Северной Америки. А чтобы мы могли влиять на выборы в американский конгресс и фактически управлять Соединенными Штатами... опасаясь, что это, как выражаются французы, *trop beau pour être vrai*. Коли оно до того и дойдет, то не в ближайшие дни.

Несколько неожиданные комплименты мне в конце статьи г-на Бровцына я принужден, с признательностью, отклонить. Нет, мы очень мало в чем с ним сходимся. И причину легко понять: он — американец русского происхождения, для которого (сознательно или подсознательно) главным стали уже интересы Америки; о них-то он и печется. Для меня же Соединенные Штаты — чужая и даже мало симпатичная страна, а забочусь я о пользе для России. Немудрено, если мы с Бровцыным приходим к разным выводам. Иначе и не могло получиться.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

В АРГЕНТИНЕ

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫБОРОВ

Информация о результатах выборов, состоявшихся в сентябре с. г., была дана в № 1938 "Нашей Страны". Последствия этих выборов можно резюмировать следующим образом:

1. Радикальная партия потеряла собственное большинство и собственный кворум в палате представителей, а в следующем году, по всей вероятности, потеряет несколько голосов и в сенате, в котором она и до сих пор была в меньшинстве. В результате, после 10 декабря, когда впервые соберется новый состав палаты представителей, правитель-

ству будет невозможно проводить свои законопроекты в конгресс без согласия или перонистов, или блока либерально-консервативных и провинциальных партий.

2. Радикальная партия также потеряла большинство провинциальных губернаторств. Из 22 провинций она до сих пор сохранила только 2 губернаторства. Ввиду федеральной структуры страны (хотя на практике частично нейтрализованной тенденциями к централизации), это означает сильный нажим на центральное правительство по вопросам распределения федеральных налогов. Однако, одновременно в большинстве 16 провинций, в которых выиграли перонисты, последние не обладают достаточным большинством в провинциальных парламентах. Особенно это важно в самой большой провинции — Буэнос-Айресской, в которой будет губернатором Антонио Кафиеро, стремящийся не только возгла-

вить перонистическую партию, но и выдвинуть свою кандидатуру на президентские выборы через два года. В этой провинции перонисты не смогут провести ни одного закона в провинциальном парламенте без содействия радикальной партии. Получается симметрическая взаимозависимость между двумя партиями на национальном и провинциальном уровнях.

3. Такое политическое положение заставляет обе большие партии искать какого-то договора по важнейшим вопросам. Президент Альфонсин говорит о необходимости "пакта для управляемости страны". Перонисты тоже сознают необходимость договора между партиями. Дело в том, что и в национальном и провинциальных парламентах "народные избранные" подают свои голоса в соответствии с партийными указаниями, скрепляемыми фракционной дисциплиной.

Таким образом, почти исключена возможность свободных индивидуальных позиций отдельных представителей по конкретным вопросам. При свободном подходе в каждом отдельном случае к конкретным проблемам, большинство в парламентах слагалось бы в соответствии с личным мнением и личной совестью каждого отдельного представителя. То есть, ни большинство, ни меньшинство не были бы постоянными, а складывались бы в зависимости от объективной оценки тех или иных поставленных на обсуждение проблем. Тогда результат голосований по отдельным проблемам зависел бы больше от самой сути предложенных решений, или вернее от их объективной качественности, чем от предвзятых партийных указаний. Но при партийной системе, ущемляющей свободу народных представителей и нарушающей независимость законодательной власти, для обеспечения необходимого для законодательства большинства, при отсутствии токового у находящейся у власти партии, требуется некоторый створ между партиями. Официальные контакты для такого створа между партиями, имеющими представителей в Конгрессе, уже начались, но весьма возможно, что дальше риторических заверений дело не пойдет. Тем более, что Генеральная Конфедерация Труда, являющаяся фактически профсоюзным крылом перонистов, уже объявила очередную генеральную забастовку против экономической политики правительства на 4 ноября.

4. Следующим последствием последних выборов в Аргентине является крушение надежд радикальной партии на продолжительную политическую гегемонию в стране. В Аргентине больше нет абсолютных партийных большинств, хотя еще и продолжает существовать идеологическое большинство приверженцев, так называемого, "направляемого хозяйства", большинство, распределенное, более или менее, поровну между партиями радикалов и перонистов. Но и это "объединенное идеологическое большинство" идет систематически на убыль, при одновременном росте приверженцев свободного хозяйства. Реальные факты результатов "направляемого хозяйства" дают себя знать с неумолимой силой. Если бы в Аргентине происходило до сих пор чередование у власти партий, стоящих за свободное и за направляемое хозяйство, как это наблюдается в других странах, то уже давно сама жизнь взяла бы верх над идеологией. Но в Аргентине чередование шло между военными правительствами, стоявшими за свободное хозяйство, и партийными правительствами, в силу отталкивания попадавшими в идеологическую сферу направляемого хозяйства. В связи с крахом надежд на гегемонию, пока что припрятаны под сукно проекты конституционных реформ радикальной партии, не только преследовавших возможность переизбора теперешнего президента (сегодняшней конституцией запрещенных), но и создание, так называемой, "мексиканской модели" в Аргентине, согласно опасениям многих комментаторов. Сам президент Альфонсин, в своем выступлении по телевидению, дал понять, что он в данный момент отказывается от конституционной реформы, но, одновременно, выразил свою надежду, что народ его поддержит в его замысле перенести столицу из Буэнос-Айреса в Виедму.

5. В течение остающихся двух лет, до следующих президентских выборов, как федеральное правительство радикальной партии, так и провинциальные правительства перонистической партии вынуждены будут приложить все усилия для улучшения их соответствующих административных, помимо обычной политической риторики. Потому что население страдает от плохой администрации государственных предприятий (газ, телефоны, почта и т. д.) не меньше чем от инфляции.

П. Б.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ВАТИКАН И РОССИЯ

... Ныне на православные Церкви, особенно Востока, налегает религиозная тьма протестантизма, сектантства и католицизма. Устоят ли славянские православные народы в древлеправославной Византийской культуре или поддадутся влиянию западно-католического мира? Вот общеправославная загадка и задача. (Блаженнейший Митрополит Антоний, *Жизнеописание и Творения*, т. II, стр. 314).

В преддверии празднования тысячелетия Крещения Руси, когда все более умножаются признаки оживления деятельности ватиканской дипломатии в целях обеспечения, если не прямого участия, то, по крайней мере, присутствия католических иерархов, а то — и самого Папы на торжествах, трудно переоценить всю важность и своевременность выступления г-жи Сеченой ("Н. С.", № 1927) с ее исчерпывающе содержательной статьей. Станем надеяться на то, что статья эта поможет нам лучше осознать всю несообразность, а для Православия — унижительность подобной перспективы и, преодолевая разлагающее влияние экуменического образа мышления, навязываемого нам окружением, понять все своеобразие и величие пути Русской Церкви для того, чтобы должным образом ценить их.

Не желая ограничиться только выражением нашего глубокого удовлетворения тем, что, на сей раз, зарубежному читателю предлагается нечто действительно существенное для укрепления религиозного и национального самосознания, мы позволили себе присовокупить к этим строкам несколько ссылок на источники, знакомство с которыми, несомненно, окажется полезным тому, кто заинтересуется столь важной темой.

Из творений Блаженнейшего Митрополита Антония мы приводим здесь несколько цитат, так как приходится учитывать, с одной стороны, — трудность доступа к подобного рода книгам для рядового читателя, а, с другой, — чрезвычайную важность для нас осведомленности о суждениях этого великого Святителя — основателя Русской Зарубежной Церкви, богослова, пользовавшегося общим признанием и уважением в братских поместных Церквах, — "вселенского учителя", как именует его наш Первоиерарх в предисловии к юби-

лейному изданию "Сборника Избранных Сочинений".

Библиография:

1. — "Жизнеописание и творения Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого". — Составлено и в издании Архиепископа Никона (Рклицкого), Нью-Йорк, 1956—1969.

Том XV, стр. 479.

"Католичество есть ересь, лютейшая прежних, ибо если еретиками называются все, возводящие заблуждения в догматы, то как избегут такого наименования латиняне, измышлившие недавно погубный и уничижительный для вселенского христианства догмат о непогрешимости пап, а раньше о непорочном зачатии Святой Девы Ея родителями Иоакимом и Анной, и уже давно отвергнутые Церковью за ложный догмат об исхождении Св. Духа от Отца и Сына...

... взамен того двоедушного замалчивания сущности латинства, как ложного вероучения, которое теперь губит души многих, отпадающих от Православия, должно без стеснения проповедовать миру истину, должно прямо именовать латинство злою и душегубной ересью и глубже и шире вырывать ров между бытом православных христиан и латинских еретиков, применяя к последним все, что Св. Дух открыл нам через Вселенские и неизменные каноны католитского обращения с еретиками".

Том VI, стр. 96.

"Обратиться с особым воззванием — возвысить свой голос протеста против чинимых над Святейшим Патриархом Всероссийским насилий — ко всем главам Православных и инославных Церквей, кроме Папы Римского, о котором имеются точные сведения о том, что он не только вступил в соглашение с христородавцами большевиками, но и старается использовать гонения на Русскую Православную Церковь и ее славу в корыстных целях воинствующего католицизма". (В защиту Святейшего Патриарха Тихона).

Том III, стр. 181.

"Так как одною из главных причин отпадения православных в латинство является неправильный взгляд многих из них на като-

личество, как на одинаковое будто бы с Православием исповедание, то приходским священникам внушается проводить в своих протоколах, что католичество есть ересь и что оно совершенно отдельное от Православия исповедание и напомнить им, что совместная молитва с католиками подлечит запрещение".

Том II, стр. 329—331.

"... В русском интеллигентном обществе и в церковных кругах в Синодальный период Русской Церкви широко распространился взгляд на католичество, как на одну из ветвей христианства, которой, как учил В. С. Соловьев, к концу времен надлежит объединиться в единое христианство с другими, якобы, ветвями — православием и протестантизмом, о чем будто бы и молится Св. Церковь в своих прошениях: "о благосостоянии Святых Божиих Церквей и соединении всех". На самом деле, как разъяснил владыка Антоний, на основании анализа греческого текста этого прошения (т. IX, стр. 16), слова "и о соединении всех" являются самостоятельным предложением и разумеют соединение не Церквей, а соединение всех людей в истинной вере".

Том IX, стр. 16.

"Церковь... никогда не молится о соединении Церквей", ибо она признает слова символа веры, который говорит, что Церковь едина и соединяется ей с еретиками нечего; Церковь молится о благосостоянии св. Божиих Церквей (православных) и соединении "всех" людей — паптон, а не пасон, Церковь по-гречески женского рода, а люди мужского".

А также: т. I, стр. 116, 131; т. II, стр. 74, 143, 229, 252, 256, 314; т. IV, стр. 162—163; т. V, стр. 292; т. IX, стр. 134.

2. — Митрополит Виталий (Устинов), "Экуменизм", Мюнхен, 1982.

3. — К. Н. Николаев, "Восточный обряд", ИМКА, Париж, 1950. — Книга представляет собой исключительную ценность по обилию фактического материала и по глубокому знанию предмета автором — присяжным поверенным, бывшим Юристом Синода Православной Церкви в Польше.

4. — Архимандрит Амвросий, "Святой Марк Ефесский и Флорентийская Уния", Джорданвилль, 1963.

В. Аникиев (Бразилия)